

Стрелко А.В.

Оренбургский государственный университет
E-mail: socf@mail.osu.ru

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

В статье рассматриваются некоторые проблемы философии техники в структуре художественного мировоззрения Андрея Платонова – мыслителя, который предложил свою версию решений проблем первых послереволюционных десятилетий с необычайной полнотой и дальновидностью.

Ключевые слова: Андрей Платонов, философия техники, социальная философия.

А.П. Платонов (1899–1951) самобытно и оригинально продолжает традиции русской мысли, являясь не только крупным писателем, но и социальным философом. Русская литература всегда была одной из форм существования отечественной философии. Фигура Платонова демонстрирует это со всей очевидностью. В своих произведениях он пытается средствами художественного анализа охватить социализм в целом и в отдельных его частях, как и Маркс, находясь в поисках основополагающей «клеточки» общественного бытия. Заметим, что Маркс часто называет коммунизм «республикой труда», что, несомненно, не мог не знать и не осознавать и молодой писатель. И уже в 20-х гг. Платонов всерьез увлекается проблемой труда и занимается ее всесторонним изучением.

В. Верин отмечает: «Во время военного коммунизма кое-где бытовало мнение, что раз революция установила социальное равенство, то понятие «герой» (войны или труда) неправомерно. Все равны, значит, все одинаковы. Однако Платонов понимал, что сама по себе привычка работать дисциплинировано и высокопроизводительно, творчески к пролетариату не придет, была необходима стройная система организации труда» [2;5]. Пропитанная такими идеями появляется одна из первых работ писателя – «Сокровенный человек». В этой работе Платонов убедительно и подробно описал работу Фомы Пухова на снегоочистителе, восхваляя тем самым труд человека как основу существования общества.

Поэтому и «чувство ответственности за происходящее вокруг развито в его героях необычайно – их томит и мучит ожидание работы, им постоянно кажется, что без них – может быть, во время сна или в часы законного

отпуска – что-нибудь случится на свете, а они не будут знать и не смогут предотвратить последствий зла. Так отец Фроси («Фро»), уже редко водящий поезд из-за старости и вызываемый в депо только в экстренных случаях, между тем находится в постоянном ожидании этого вызова» [2;5].

Живой труд по Марксу – это и есть «вечный двигатель», все держится на труде человека, тогда и коммунизм – это новые технические открытия. Платонов прекрасно понимал, что людям техника необходима, именно она должна стать производительной силой. Вот что он говорит об этом в своей статье «Слышны шаги» в 1921 году: «Социальная революция – ворота в царство сознания, в мир мысли и торжествующей науки. Сам коммунизм тогда только и стал действительной и страшной несломленной силой, когда он стал наукой.

Это не будет теперешней наукой, тлеющей в университетах, лабораториях и библиотеках. Это будет будущее пламя познания, охватывающее все города, все улицы, все существа нашей планеты.

Познание станет таким же нормальным и постоянным явлением, как теперь дыхание или любовь.

В ожидании царства сознания трудно и нестерпимо и все смотрят далеко вперед. Оттого будущее становится как бы настоящим, и сам ты оттого не тот, что есть.

Человек есть тот, кем он хочет быть, а не тот, кто живет у всех на глазах» [7;23].

Платонов выражает эти мысли художественными средствами уже в самых первых своих произведениях. Обратившись к жанру, популярному в советской литературе в 20-е годы и естественному не только для поэта, мечтающего о звездах,

но и для журналиста, верившего в неограниченные возможности электричества, А. Платонов вносит в свои научно-фантастические произведения только ему присущие черты. Герой его научно-фантастической прозы не только очень близок автору, но и нередко с ним сливается.

Рассказ «Маркун», повествующий о строительстве вечного двигателя, откровенно автобиографичен в изображении нищей, голодной юности в многодетной семье. Гениальный инженер Вогулов, «сатана мысли», изобретает «взрывчатый состав неимоверной, чудесной мощи»; он нашел «способ перенапряжения, сгущения световых волн» [6;214]. Но одновременно с публикацией рассказа Платонов поместил в «Воронежской коммуне» статью «На фронте зноя», в которой сообщил о том, что руководимая им комиссия по гидрофикации разрабатывает «особый метод взрыва, основанный на разрушении материи, через сообщение ей извне электромагнитных волн с точно рассчитанной длиной и частотой колебаний, совпадающих с внутриатомным ритмом». В «Лунной бомбе» инженер Крейцкопф страдает, как и герои других научно-фантастических произведений писателя, от тоски по любимой, от разлуки с ней — как страдал сам Платонов. Отрицая в письме к жене, что герой «Эфирного тракта» Кирпичников — это он, Платонов соглашается все же, что «Кирпичников носит мои черты только отчасти» [5;166].

Внутреннее родство автора со своими героями сообщает его произведениям особую насыщенность переживаниями и их интенсивность. Но главным в научно-фантастической прозе Платонова становится исследование взаимоотношения мысли и действия, теории и практики, постановка вопроса о сущности человека.

В каждом из произведений есть гениальное техническое изобретение: вечный двигатель в «Маркуне»; коренная переделка земного шара, а потом и всей Вселенной в «Потомках солнца»; полет на Луну в «Лунной бомбе»; открытие способа выращивания электронов, как выращивают свиней и коров, в «Эфирном тракте». Но проблемы технические, оставаясь стержнем сюжета, носят у Платонова подсобный характер. Писателя прежде всего интересует взаимозависимость между изобретателем и изобретением. В «Маркуне», самом раннем из научно-фантастических рассказов, герой одинок, тоскует по невесте, по девушке, которую он «никогда не знал близко» [6;206], мучается

неразрешимым вопросом: «отчего мы любим и жалеем далеких, умерших, спящих. Отчего живой и близкий нам — чужой» [6;208]. Больше всего, однако, страдает он от мысли, разъедающей его мозг. «Каждый вечер, — начинается рассказ, — после ужина, когда его маленькие братья ложились спать, он зажигал железную лампу и садился думать» [6;206]. И лишь в конце рассказа, когда начала действовать машина, когда заработал вечный двигатель, «он в первый раз не думал, никакая мысль не вела его» [6;211]. Рассказ заканчивается фразой, произнесенной не героем, а писателем: «Мне оттого так нехорошо, что я много понимаю» [6;211]. Вот так Платонов приходит к ключевой мировоззренческой проблеме, которая философски анализируется в литературе со времен А.С. Грибоедова — «горе от ума».

Страдания «главного руководителя работ по перестройке земного шара» инженера Вогулова во много раз сильнее страданий Маркуна — Вогулов еще больше думает, еще больше знает, еще больше может. Вогулов во главе миллионных армий рабочих делает из земли «дом человечеству». «Он — первый из длинного ряда героев Платонова, руководящих строительством разного рода «домов человечеству», разного рода утопий» [3;123]. Утопия Вогулова техническая: «Еще год — и шар земной будет переделан. Не будет ни зимы, ни лета, ни зноя, ни потопов. Вся земля будет разбита на климатические участки <...> Человечество будет переселено в Антарктику — остальная площадь земли будет отведена под хлеб и под опыты и пробы человеческой мысли, она будет мастерской, обителью машин и пашней» [6;215].

Такого рода глобальные проекты можно было встретить и в других научно-фантастических произведениях того времени, но Платонов, верящий в могущество машины, в неограниченные возможности электричества, осознает необходимость уплаты высокой цены за утопию: «Чтобы земное человечество в силах было восстать на мир и над миром и победить их — ему нужно родить для себя сатану сознания, дьявола мысли и убить в себе плавающее теплокровное божественное сердце» [6;216]. В 1922 году, в самом начале своей литературной деятельности, Платонов составляет уравнение: победа мысли — это смерть сердца, души. Сердце писатель называет «божественным», сознание — «сатаной», мысль — «дьяволом», указывая на разрозненность бытия человека.

Вогулову удается все: построив «дом человечества» на земле, он приступает к перестройке Вселенной. Для этого он с помощью особого «микроба энергии» повышает до крайности работоспособность человека: «...человек умирал на работе, писал книги чистого мужества, любил, как Данте, и жил не года, а дни, но не жалел об этом. Микроб энергии делал ненужной вечность – довольно это мига, чтобы напиться жизнью досыта и почувствовать смерть, как исполнение радостного инстинкта» [6;218]. Платонов не признает смерти, он отказывается видеть в ней «исполнение радостного инстинкта».

Вогулову удается все, но он несчастен. В двадцать два года он полюбил девушку, но она умерла через неделю после их знакомства. Тоска по любимой сводит гениального инженера с ума. Перестроив земной шар, перестроив Вселенную, Вогулов не сделал того, что нужно было сделать, – он не воскресил любимой. И произошла «органическая катастрофа: сила любви, энергия сердца хлынула в мозг, расперла череп и образовала мозг невиданной, невозможной, невероятной мощи» [6;218]. Суд постановляет уничтожить Вогулова, так он был страшен. Человечество решает уничтожить того, кто построил ему дом, ибо построил он не то. В построенном Вогуловым мире «невозможно то, что единственно нужно человеку, – душа другого человека...» [6;218].

Здесь Платонов пытается решить проблему смысла жизни сквозь призму социальности человека, ведь последнему, как социальному существу, просто необходимо быть в обществе, жить ради других людей. Поэтому и мир, сооруженный Вогуловым, потерял то, «чем дышит человек и что нужно ему не через несметные времена, а сейчас... только любящий знает о невозможном, и только он смертельно хочет этого невозможного и сделает его возможным, какие бы пути не вели к нему» [6;218].

Неоднократно будет возвращаться писатель к подлинно философской дилемме: любовь к ближнему или любовь к дальнему? В позднем рассказе «Усомнившийся Макар» он выскажется на эту тему открыто, за что подвергнется жесточайшей проработке. Впервые же он заговорил об этом в первых своих

рассказах: «Маркун» и «Потомки солнца». Любовь к дальнему для писателя – признак бездушной, бессердечной утопии, бесплодной, содомской любви.

Инженера Крейцкопфа ждет участь всех гениальных изобретателей у Платонова – изобретателей, которые, несмотря на свою гениальность, изобретают не то, ибо забывают саму душу. От инженера уходит жена Эрна, отказывающаяся жить среди людей, которые заявляют: «Мы живем для того, чтобы знать». Эрна возражает: «А того и не знаете, что люди живут не для того, чтобы знать...» [6;220]. Существенное изобретение убивает изобретателя: Луна, которой достигает Крейцкопф, – это «сплошной и чудовищный мозг». Последняя радиограмма Крейцкопфа: «...люди очень ошибаются. Мир не совпадает с их знанием» [6;229]. Не знание, а душа, любовь нужны человеку в первую очередь. Крейцкопф смутно понимает это, читая еще до начала работ по постройке своего снаряда стихи: «Я не мудрый, а влюбленный./ Не надеюсь, а – молю./ Я теперь за мир прощенный,/ Я не знаю, а люблю» [6;230]. Автор этих стихов – Андрей Платонов.

Маркун, Вогулов, Крейцкопф – гениальные изобретатели, стремящиеся к прогрессу. Поэтому-то они так торопятся, ибо, как отметил Н. Федоров, спешка, торопливость – неотъемлемый атрибут прогресса, движения в никуда, в сторону от души. Гете в свое время назвал такую торопливость «велоциферской». «Гете понимал, что человек порой добровольно отдает себя в игу той торопливости, которая исходит, как известно, от дьявола. Мыслитель гениальным словообразованием назвал это игу «велоциферским», то есть соединил латинское слово *Velocitas* (спешка, торопливость) и имя дьявола Люцифер. Его Фауст часто хочет больше того, о чем он имеет точное представление. И это тоже «человеческое, слишком человеческое». Фауст порой кажется воплощением того общества потребления, которое вожделеет всего и, причем, – сразу», – отмечает П.А. Горохов [4;156].

Платонов был против капиталистического общества, против общества потребления, но получается, что его герои через свою торопливость могут прийти к тому, чего так яростно не принимали.

В октябре 1926 – январе 1927 года, в течение двух с половиной месяцев в Тамбове, вдали от семьи, жившей в Москве, Платонов пишет свою первую большую повесть – «Эфирный трактат». Повесть представляет для нас большой интерес по многим причинам. Прежде всего, на себя обращает внимание тот факт, что она была опубликована ровно через 40 лет после написания.

Во-вторых, «Эфирный трактат» – шаг вперед по сравнению с рассказами: сюжет слегка усложняется, вместо одного персонажа – несколько. Однако по-прежнему персонажами являются люди, одержимые одной идеей, они своеобразные рупоры взглядов автора. Платонов подчеркивает связь повести с предыдущими рассказами: в Доме Воспоминаний, своеобразном пантеоне, сооруженном в Москве будущего, рядом с урной героя «Эфирного трактата» Михаила Кирпичникова стоят урны с прахом Андрея Вогулова и Петера Крейцкопфа, в текст повести включен отрывок из «Рассказа о многих интересных вещах».

Связь с предыдущими произведениями выражается прежде всего в излагаемых писателем идеях. Как всегда, писателя интересуют главные проблемы мироздания: место и роль человека во Вселенной, место и роль науки, пол и смерть, что такое счастье. В повести изображены две утопии и два вида науки. Впервые проявляется качество, выделявшее Платонова в советской литературе и ставшее, возможно, причиной того, что «Эфирный трактат» в свое время подвергся резкой критике. Все это, несомненно, послужило причиной экзистенциальных раздумий и страданий писателя. Андрей Платонов задает принципиальные, необычайно важные вопросы, но не дает на них однозначного ответа.

Отношение писателя к «открытию эфирного трактата» проявляется в изображенном им осязаемом итоге деятельности ученых. Егору Кирпичникову удастся выделить один электрон, искусственно вырастить и откормить его. Корреспондент газеты «Известия» описывает животное: «Органов зрения и слуха не обнаружено. Кверху поднята огромная пасть с черными зубами, длиной каждый по 3–4 сантиметра. Имеется четыре короткие (1/4 метра) мощные лапы с налившимися мус-

кулами» [6;204]. Электроны, однако, живут за счет поедания своих более слабых собратьев. Описание этой жестокой борьбы удивительным образом напоминает наблюдения, сделанные другим великим ученым в повести «Роковые яйца» М.А. Булгакова. В этой повести главный герой, профессор Персиков, обнаруживает, что луч света, пройдя сквозь зеркало и объектив микроскопа, становится красным, и в спектре его излучения растут амёбы: «Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга, и рвали в клочья, и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших за существование. Побеждали лучшие и сильнейшие. И эти лучшие были ужасны» [1;56]. Булгаков наказывает профессора Персикова, так как тот совершил преступление: «этот ученый вызывает к жизни амёбы, которые едва не губят республику» [3;73]. Вернувшись к теме ответственности ученого за открытия, которые он сделал, М. Булгаков в «Собачем сердце» демонстрирует результаты превращения милой собаки Шарика в отвратительное существо – Шарикова. Профессор Преображенский остается жив лишь потому, что успел произвести повторную операцию, превратив Шарикова обратно в собаку.

Взгляды Платонова на революцию были далеки от взглядов М.А. Булгакова. Но обоих писателей тревожили мысли о роли науки.

Прежде всего автора «Эфирного трактата» интересуют две проблемы будущего: наука и любовь. Жажда познания и жажда любви для Платонова – важнейшие элементы счастья, которые ведут между собой ожесточенную борьбу. «Темная воля творчества» несет к гибели одержимых безумной идеей изобретателей – Маркуна, Вогулова, Крейцкопфа, героев «Эфирного трактата». Эту «темную волю творчества» ощущает писатель в себе с детства.

Итак, в своей ранней прозе Платонов стремился к постижению первооснов социального бытия, к пониманию социальной природы человека. «Эфирный трактат» заканчивает мысленное испытание Платоновым будущего: он не вернется больше к научно-фантастическому жанру. Научная фантастика позволила писателю изложить свои мысли в форме непосредственной и живой философской беллетристики, но все возможнос-

ти технической утопии кажутся ему исчерпанными. К началу 30-х годов Андрей Платонов окончательно отойдет от идеи, что цель но-

вой пролетарской культуры состоит в слиянии с производством.

4.02.2012

Список литературы:

1. Булгаков, М. Роковые яйца. – М.: Молодая гвардия. 2005.
2. Верин, В. Андрей Платонов – публицист: по страницам воронежских газет двадцатых годов // Литературная газета. – 1979.
3. Геллер, М.Я. Андрей Платонов в поисках счастья. – М.: Издательство «МИК», 2000.
4. Горохов, П.А. *Ens realissimum: Жизнь и философия Иоганна Вольфганга Гете: Монография.* – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006.
5. Письма // Волга. – №9. – 1975.
6. Платонов, А. Собр. соч. Т.1. – М.: Издательство «Информпечать» ИТРК РСПП, 1998.
7. Платонов, А.П. Слышные шаги // Революция и математика. – 1921.

Сведения об авторе: **Стрелко Алина Валериковна**, соискатель кафедры социальной философии
Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2314, e-mail: socf@mail.osu.ru

UDC 101.3

Strelko A.V.

Orenburg state university, e-mail: socf@mail.osu.ru

PHILOSOPHY QUESTIONS OF TECHNICS IN THE EARLY WORKS OF ANDREI PLATONOV

The article discusses some of the problems in the philosophy of technics in the structure of the artistic world of Andrei Platonov - thinker, who offered his version of solutions for the first post-revolutionary decade with unusual fullness and foresight.

Key words: Andrei Platonov, engineering philosophy, social philosophy

Bibliography:

1. Bulgakov, M. Fatal Eggs. – M.: Young Guard, 2005.
2. Verin, V. Andrei Platonov – publicist. Through the pages of Voronezh newspapers of the 20s // Literaturnaya Gazeta. – 1979.
3. Heller, M.J. Andrei Platonov in search for happiness. – M.: Publishing house «MIC», 2000.
4. Gorokhov, P.A. *Ens realissimum: Life and philosophy of Johann Wolfgang von Goethe: Monography.* – Orenburg: IAT SEI OSU, 2006.
5. Letters // Volga. – №9. – 1975.
6. Platonov, A. Collected works V.1. – Moscow: Publishing House «Informpechat» ITRK RSPP, 1998.
7. Platonov, A.P. Steps are heard // Revolution and Mathematics, 1921.